

ПОЗЫВНОЙ – "ЭТЬЕН"

В мае 1945 года в австрийском городке Эбензее, в полевом госпитале, в блоке для чахоточных, умер полковник Советской Армии Яков Никитич Старостин, узник лагеря, который тремя днями ранее освободили войска союзников. Из всех данных, указанных в медкарте бывшего арестанта, настоящим было только звание. Со смертью этого человека перестали существовать с десятков вымышленных, но от этого не менее значимых персонажей...

В августе 1898 года в деревне Заречье под Чаусами у адвоката Ефима Маневича родился сын. Мальчика назвали Левою. До 10 лет Лева живет в Чаусах.

– К этому времени его старший брат Яков – уже состоявшийся революционер, – рассказывает директор Чаусского историко-краеведческого музея Инна Казакова. – Участник бобруйского восстания. Якова осуждают и отправляют на каторгу, но друзья и сестра Амалия помогли ему бежать в Швейцарию. Вот туда-то, к старшему брату, и направляет Леву отец после смерти матери.

Лева поступает в политехнический колледж. Там выясняется, что он способен к языкам, и к окончанию обучения уже свободно владеет немецким, французским и итальянским. А спустя 25 лет в руководителе бюро изобретений и патентов "Эврика" в австрийце Конраде Кертнере вряд ли кто узнал бы чаусского паренька Леву Маневича. Офис – на главной деловой улице Вены. Преданность идеям национал-социализма – вовремя подхваченный политический "тренд" – позволил Кертнеру быстро завоевать доверие не только коллег по цеху, но и высокопоставленных чиновников. Бюро доверяли регистрировать патенты на военные изобретения. Специализировалась "Эврика" на авиации. Тем более что Кертнер сам был профессиональным летчиком и часто лично тестировал новинки. Особую слабость питал ко всему, что касалось перспективных бомбардировщиков.

Но прежде чем Конрад Кертнер "появился" на свет, Лев прошел длинный и непростой путь. В 1917 году, приветствуя идеи социализма, он и брат возвращаются на родину. Лев идет добровольцем в Красную Армию. Военная судьба забрасывает его в Баку, в ряды Первого интернационального полка, – Маневич воевал у одного из 26 бакинских комиссаров, сражался с колчаковцами, вел активную партийную работу в Самаре, Баку, Уфе и завершил войну в должности комиссара бронепоезда.

Боевой товарищ Яков Старостин, чьим именем и биографией спустя несколько десятков лет Лев Маневич, резидент с кодовым именем Этьен прикроется в фашистском концлагере, вспоминал: "Зимой в

районе Сызрани меньшевики подняли крестьянское восстание башкир. Мне поручили мобилизовать членов партии. Я назначил Маневича командиром отряда. Он один пошел к восставшим и силой своего слова убедил их сложить оружие. Ночью башкиры проводили его к составу, где коммунары ждали своего командира".

– Разведка им заинтересовалась больше, чем он разведкой. Советской власти нужны были представители более высокого интеллектуального уровня, чем те, которыми они располагали, – говорит Инна Казакова. – Поэтому они и стали привлекать таких людей, как Маневич. Это человек уникальных способностей. Может подчинять своему влиянию людей и прекрасно образован.

Маневич все чаще начинает ездить в заграничные командировки. На новой работе его руководитель, Ян Берзин, запрещает носить подчиненным военную форму даже в Москве. Требуется, чтобы разведчики привыкали к иностранным костюмам. Маневич женат, супруга Надежда родом из Уфы, дочь Татьяна.

В своих поездках Маневич тоскует по семье. И в разведуправлении принимают беспрецедентное решение – отправить на задание всех вместе. Разрабатывают легенду, по которой жена родилась в Финляндии, на самой границе с Советским Союзом, поэтому и говорит по-русски. Маневичей перебрасывают в Вену, но ненадолго. В гостинице Татьяна, воспитанная в Советском Союзе, с удовольствием поет на русском языке советские песни. А еще девочка ничего не знает о боге. Хотя дети ее возраста в Европе уже ходят в церковь. В итоге в Москве решают вернуть Надежду и Таню на Родину. Больше Маневич семью не увидит...

У Конрада Кертнера, кроме самолетов, была еще одна страсть – опера. Особенно он уважал миланский театр "Ла Скала". К тому времени агент Этьен уже работал в Италии. На концерты ходил в сопровождении юной особы по имени Ингрид. Для знакомых все было очевидно – у австрийца роман. Пара с упоением слушала выступления, в антракте ходила в музей театра.

А вечерами Ингрид передавала в Москву информацию, которую получала от Кертнера на концертах. Передатчик прятала в патефоне. Учитывая пристрастия радистки, у ее радиостанции был музыкальный позывной "Травиата". Через Ингрид проходила самая разная информация – от планов европейских правительств до новостей из немецких войск, а также характеристики новейшего вооружения: самолетов, танков, артиллерии.

По слухам, была у австрийского коммерсанта и еще одна, менее приглядная обязанность: устранение врагов советской власти за границей. Но доказать или опровергнуть эти подозрения нереально и по прошествии 80 лет.

Однажды Кертнер сообщает, что Травиата больше на связь не выйдет. Этьен подозревает, что за ним следят, поэтому прекращает все связи с Москвой. Действует крайне осторожно. Итальянские

спецслужбы вынуждены пойти на хитрость. Они арестуют одного из агентов Этьена, которого вынуждают передать австрийцу якобы секретные чертежи самолета.

– В этот момент его схватили, но на какую разведку он работает, определить не могли. Поначалу предполагали, что на английскую, – рассказывает Инна Казакова. – Сотрудничать со следствием Кертнер отказывается. При этом выводит из-под удара своих помощников. В итоге его агентов приговаривают к незначительным срокам, а некоторых по амнистии сразу освобождают.

Его сажают в камеру к политзаключенным. Этьен быстро находит с ними общий язык, но себя не раскрывает. К австрийцу стекается полезная информация от рабочих-коммунистов, которые трудятся на военных заводах Италии. Один из арестантов рассказывает, что из Японии поступил заказ на утепление кабин боевых самолетов. Такие сведения, считает Кертнер, просто необходимо донести до советского руководства. Когда же к заключенному на свидание приходила девушка, в конце встречи им разрешали поцеловаться. У узника за щекой наготове был скомканный клочок бумаги с зашифрованной информацией. В момент поцелуя секретный документ оказывался уже во рту у дамы. Надсмотрщик был не прочь поглазеть на страсть влюбленных, но ничего подозрительного не замечал.

Такого в истории шпионажа не было ни до, ни после – агент продолжал выполнять свою работу, находясь в заключении. Первое время разведуправление всерьез планировало вызволить Этьена. Рассматривали разные варианты – от взяток до организации побега. А пока помогали чем могли. Через секретаршу "Эврики" отмывали деньги, чтобы перечислить их на счет заключенного. К тому времени Кертнер заболел – воспаление легких, нужны были лекарства. Но в конце 1937 года помощь, как и операцию по освобождению, сворачивают.

В это время в Москве репрессируют начальника и друга Этьена, Яна Берзина. Человека, который, по сути, создал советскую военную разведку, обвиняют в "троцкистском заговоре". В июле 1938 года его расстреляют, а ровно через 18 лет реабилитируют. Так "австрийский коммерсант" в итальянской тюрьме остается один на один со своими проблемами. Ждет амнистии, надеясь на досрочное освобождение. Но вместо того, чтобы выпустить Этьена, его изолируют и держат в одиночной камере больше года, а затем переводят туда, где не будет ни свиданий, ни приветов с воли – на остров Санто-Стефано в Тирренском море, который еще называли остров Дьявола. Там размещалась эргастоло – каторжная тюрьма. Узников здесь лишали не только личных вещей, но даже имени, только номера. Этьен – 1055.

Он болен туберкулезом, похудел и ослаб. Связи с внешним миром нет. Без лекарств Кертнеру все хуже. Но союзники отбили у гитлеровцев остров. Политзаключенных освобождают и выдают временные документы. На рыбацкой лодке группа арестантов высаживается в

портовом городке Гаэта. Однако почти сразу Гаэту отбивают немцы. Со справкой об освобождении, выданной союзниками, ходить опасно. Кертнер прячет бумаги, а вскоре его ловят фашисты. Бедно одетый австриец без денег и документов вызывает у немцев подозрение, и Этьена отправляют "на родину" для разбирательства.

Он понимает, что его австрийская легенда в австрийском же концлагере, скорее всего, рассыплется. В этот момент рядом с ним умирает русский узник по фамилии Яковлев. Можно воспользоваться этим. Но это человек, который ему неизвестен, легенду жизни нужно придумывать. Поэтому, когда его начинают допрашивать, Этьен говорит: "Я не Яковлев, а Яков Никитич Старостин". Легенду придумывать не надо, ведь Старостин – его друг по гражданской войне.

История австрийского коммерсанта на этом заканчивается. "Полковника Старостина" возят по концлагерям, пока он не попадает в альпийский Эбензее. Старостин проходил там под номером 61078. В журнале учета сохранилась страница с его фамилией. Причем сначала его указали в документах как Альберта Кернера. Как появилась эта фамилия и почему – неизвестно. Об этом нет информации ни у исследователей его жизни, ни в популярной в свое время биографической книге о Льве Маневиче "Земля, до востребования", по которой впоследствии сняли художественный фильм.

В то время, когда Этьен попал в Эбензее, условия там были ужасающими. За полтора года работы лагеря через него прошли 27 тысяч человек. Погибли 8 тысяч 200. Заключенные копали туннели в горах – для вражеских ракет. Пленный полковник здесь входит в состав подпольного комитета помощи заключенным. Комитет занимается сбором информации и разделением труда. Стараются поддержать тех, кто заболел: находят лекарства или подбирают работу полегче. У организации – свои люди не только среди узников, но и среди персонала лагеря.

Помощь была нужна и самому Старостину. Выбрав такую легенду, он обрек себя на трудности в лагере. Если вы советский военнопленный, то у вас серьезные проблемы. В лагере больше всего издевались над ними, евреями и итальянцами. Старостин же был не только советским офицером, но и евреем.

Красная армия продвигается на Запад, и немцы вынуждены эвакуировать заключенных из других лагерей в глубь страны, в Эбензее. Лагерь переполнен. Людей не то что не лечат – не кормят. Перед крахом руководство лагеря вдруг понимает: каждый заключенный – потенциальный свидетель преступлений нацистов. К тому же, в случае захвата, туннели могут попасть в руки противника...

Свой последний подвиг Этьен совершил за несколько дней до смерти. Лагерное подполье сообщило: заключенных собираются заманить в шахту, якобы переждать бомбардировку. На самом же деле вход в туннель заминировали. На построении Этьен стал на разных языках предупреждать узников об опасности. Его слова подхватили и

другие заключенные. В итоге тысячи арестантов отказались спускаться в шахту. А руководство лагеря на открытую расправу уже не решилось.

Через несколько дней американцы освободили заключенных. Но Старостину помочь не успели. Рядом с ним в его последние мгновения был советский пленный по фамилии Мамедов. К нему и обращается полковник. Просит передать в Москву, что он Этьен и чтобы не трогали семью. Мамедов поручение выполняет.

Старостина хоронят в Эбензее на местном кладбище. Чуть позже останки перезахоранивают в Линце, рядом с мемориалом советским воинам. Свой нынешний облик памятник получил лишь в 1965 году. До этого два десятилетия на могильной плите значилось имя полковника Якова Старостина. Надгробие сменили уже после того, как Маневичу присвоили звание Героя Советского Союза.

На торжественную церемонию в Кремль пригласят жену и дочь Льва Маневича. Приказ о присвоении звания Героя зачитает лично Анастас Микоян. Потом будет переименование улиц и скверов, установка мемориальных досок в честь разведчика. Евгений Воробьев напишет книгу, а Вениамин Дорман снимет по ней фильм. Однако большинство заслуг Льва Маневича, как и факты его работы, до сих пор остаются под грифом "секретно".

Большакова, Ю. Позывной — "Этьен" / Юлия Большакова // Сельская газета. — 2014. — 1 февраля. — С. 31.